

Андрей ПОЗДНЯКОВ

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АВИАКАТАСТРОФЫ

В этом году будет 10 лет с момента одной из самых страшных авиакатастроф в российской истории. 4 октября 2001 года силы украинской ПВО по ошибке сбили самолет Ту-154, направлявшийся из Тель-Авива в Новосибирск.

Так случилось, что я тогда работал в пресс-службе авиакомпании «Сибирь» – именно ей принадлежал сбитый лайнер. С самого начала, можно сказать, находился в гуще событий – сначала в Новосибирске, потом – в Сочи. Я тогда, конечно, видел далеко не все и представлял далеко не всю картину, но все же о том, что пережил сам, говорить имею право.

Пару лет назад я попытался восстановить в памяти эти несколько дней в октябре и зафиксировать на бумаге всё, что вспомнилось. Помогли мне и мои бывшие коллеги – прежде всего, в уточнении деталей. То, что получилось в итоге, конечно, не лишено субъективности, но я все же надеюсь, что эти записки помогут кому-то дополнить свое представление о происшедшем тогда, а может быть, даже понять страну, в которой мы живём.

А. П.

Писать про евреев, если сам не еврей, дело неблагодарное – от одних рискуешь заслужить звание «сионистского пособника», от других – «антисемита». Оба диагноза могут быть легко поставлены знатоками «еврейской темы» даже за один и тот же текст... Но я все-таки попробую.

Скажу сразу – я не сионист, и уж тем более – не антисемит. К свойственным интеллектуалам-евреям исканиям некой «еврейской правды», вроде бы подчеркивающей особость народа, отношусь довольно равнодушно... Но вовсе не собираюсь отрицать вклад народа в мировую культуру и не подвергаю сомнению трагизм его истории. А по поводу каких-то национальных особенностей – ну так они у всех имеются, что у русских, что у киргизов.

Чтобы поставить окончательную точку в этих рассуждениях, давайте примем, что дальнейший текст будет не про евреев, русских или украинцев. Он про жизнь и, так уж получи-

лось, про смерть – к сожалению, смерть даже не одного человека, а семидесяти восьми ни в чем не повинных людей...

Часть 1. Как умирают самолеты

4 октября 2001 года я безвылазно сидел в офисе авиакомпании в аэропорту Толмачево – «Сибирь» собиралась «ввести» своего депутата в Областной Совет, поэтому я, как человек, имевший кое-какой политтехнологический опыт, целый день провел, работая с кандидатом, сотрудником «толмачевской» части «Сибири». Остальной «текучки» с меня при этом никто не снимал, а потому часа в четыре дня я затерялся в городской офис авиакомпании на улице Фрунзе. Я ехал в маршрутке и составлял в голове план на оставшееся до конца рабочего дня время: этому позвонить, тому – отправить по электронке, от этого затребовать, чтобы он мне выслал по электронке... Рутинка, одним словом.

В офисе царил страшная тишина. Люди, пе-

редвигавшиеся словно тени, о чем-то шептались, и в глазах у всех читалось одно: «случилось что-то страшно». Я подошел к одиноко стоявшему в лифте на лестнице главному «грузовику» «Сибири» Максиму и спросил его, что происходит.

– Самолет наш из Израиля с радаров пропал, – ответил Макс.

– В смысле? – я не сразу понял, что это значит.

– В смысле – упал самолет, куда-то в Черное море упал, – резко сказал суровый руководитель отдела грузовых перевозок.

Я заскочил в наш отдел, где мои коллеги сидели на своих рабочих местах, вперившись глазами в мониторы компьютеров и читая ленты новостей. В авиакомпании еще никто ничего не объявлял, но все уже все знали. Наш начальник был на экстренном совещании у заместителя директора и, по совместительству, супруги генерального, госпожи Филевой. Мы ждали его возвращения, боясь подходить к телефонам – всем было понятно, что звонят сейчас исключительно журналисты, которым нужны комментарии и подробности случившегося.

Начальник пришел довольно скоро – как обычно, стремительный и, как обычно, не прекращая разговаривать по сотовому телефону.

– Боря, напиши нам правильно пресс-релиз, «болванку», – Миша разговаривал с директором московской конторы, когда-то выстраивавшей в авиакомпании работу пресс-службы. – Сбрось, пожалуйста – только прямо сейчас, а то нас уже журналисты одолевают... Да, шестьдесят шесть пассажиров, дети есть – не знаю, сколько, двенадцать – экипажа...

Минут через двадцать, после небольшой правки присланного москвичами, мы уже читали по телефону текст «по бумажке» в ответ на журналистские звонки – только его, и никаких дополнительных комментариев. Начало текста помню наизусть до сих пор: «Авиакомпания «Сибирь» с сожалением подтверждает, что самолет авиакомпании, выполнявший рейс № 1812 Тель-Авив – Новосибирск в 13.44 (время московское) пропал с радаров авиадиспетчеров...» Я даже помню, что в какой-то момент мы заменили «с сожалением» на «с прискорбием». Самолет шел на эшелоне одиннадцать тысяч метров, практически подлетал к территории России в районе Новороссийска и вдруг пропал с радаров. Упал в море... По телевизору не будут бесконечно крутить жуткую картинку с отломанным «хвостом» нашего самолета в сине-голубую елочку. Об этом сразу цинично подумалось всем сотрудникам нашего отдела – отдела ответственного за пилотируемые...

Решение Филевых о том, какой должна быть реакция компании на случившееся, до сих пор достойно включения в лучшие учебники по связям с общественностью. В компании были немедленно выключены телефоны во всех отделах, кроме пресс-службы и оперативных подразделений, обеспечивающих движение самоле-

тов, мобильные тогда еще были довольно редки. Делалось это для того, чтобы сотрудники «не висели на трубке», распространяя слухи через своих друзей и родственников. Одновременно с этим до персонала было доведено, что любое несанкционированное общение с прессой карается моментальным увольнением – с журналистами имели право общаться только работники отдела по связям с общественностью и генеральный директор. Сайт авиакомпании за пару часов превратился в работающую он-лайн новостную ленту, на которой вывешивались официальные сообщения компании и другая информация о трагедии. Обсуждение темы авиакатастрофы в Интернете было по максимуму локализовано на форуме нашего сайта. Этот форум сразу стал электронной книгой скорби и соблазнов – любые «выкрики» в адрес авиакомпании, даже если бы их и пропустили наши модераторы, смотрелись там неуместно. Пресс-служба перешла на круглосуточный режим работы – «на телефоне» обязательно сидел дежурный с распечатками всей самой свежей информации.

Все это было сделано неспроста – с момента предыдущей российской авиакатастрофы, произошедшей с самолетом «Владивосток Авиа» в Иркутске, прошло ровно три месяца, и мы хорошо выучили чужие уроки. Ошибки наших коллег были очевидны: руководство авиакомпании тогда «спряталось» от прессы, закрыв даже официальный сайт, зато журналисты без труда общались с «родственниками и коллегами» экипажа в городе Артем – там, где находится аэропорт Владивостока. Всегда и всем недовольные летчики и «технари» наговорили такого, что дожидаться официальных результатов расследования катастрофы было уже бессмысленно – вся страна узнала, что «летчиков не жадят» и «заставляют работать сверх всяких норм сутки напролет, от усталости те ошибаются, потому и самолеты падают...»

Филевы прекрасно понимали, что процессом создания пресловутого «общественного мнения» во время усиленного интереса к компании нужно управлять самим, иначе этим будет управлять кто-то другой, и совершенно не факт, что правильная (или нужная) точка зрения закрепится в сознании людей...

Мы выехали в Толмачево. Было понятно, что все основные события сейчас происходят именно там. По решению руководителей аэропорта в терминале внутренних рейсов (почему-то именно там, а не в международном, что было бы логичнее) был создан штаб по работе с родственниками пассажиров злополучного рейса.

Я ехал в машине директора по перевозкам, Андрея, который, не отрываясь от ведения автомобиля, давал команды своим подчиненным по сотовому:

– Да, никаких документов! Если понимаете, что это кто-то из родственников, ведите сразу во внутренний терминал. И проследи, чтобы врачи и там, и там были.

Приказ не спрашивать у людей документы поступил от Филева – Владислав Феликсович оказался мудрым человеком, отменившим во вверенной ему зоне ответственности главный закон российской бюрократии: «без бумажки ты букашка». В коротких паузах между телефонными разговорами Андрей рассказывал нам подробности сегодняшнего происшествия:

– Ростовчане позвонили, диспетчера. Говорят, Андрюха, к вашему вторая точка шла на гораздо большей скорости – либо истребитель, либо ракета, а потом все погасло. Скорее всего, ракета. Только мы ничего говорить не будем, если нам не скажут говорить.

В голове у меня эта информация не укладывалась – какая ракета, какой истребитель? Конечно, еще месяца не прошло с 11 сентября, но все-таки...

Мы подъехали к международному терминалу, куда собственно и должен был прибыть рейс из Тель-Авива. Перед новехоньким зданием стояла пара машин «скорой помощи», а на электронном табло в зале все так же светился рейс Тель-Авив – Новосибирск со временем прибытия, прошедшим с час назад. Около табло топтались мужчины с застывшим ужасом на лицах, женщины в слезах и в состоянии, близком к истерике – видно было, что все уже все знают. Я не сразу понял, почему строк с рейсом никак не убирают. Догадался лишь тогда, когда она все-таки погасла, – у встречавших исчезла последняя надежда, и зал заполнил страшный многоголосый вой. Присутствовавшие здесь медики и работники «Сибири» бегали от одного человека к другому и чуть не насильно тащили их в терминал внутренних вылетов – туда, где был штаб. Кому-то кололи уколы, закатывая рукава выше локтя, кому-то давали под нос нашатырь, а кому-то представляли собственное плечо в качестве хоть какой-то опоры...

Я вышел из здания. По привокзальной площади расхаживал мой начальник с сигаретой в зубах и с листочком в руке – он в который раз зачитывал по мобильному телефону текст нашего первого официального сообщения о катастрофе очередному журналисту. Из подошедшей на конечную маршрутки выскочил наш пиарщик Игорь с большущей сумкой через плечо. Он только что вернулся из барнаульской командировки – о случившемся узнал в автобусе где-то под Искитимом. Номер его сотового был известен прессе, поэтому звонили и ему, но, будучи грамотным специалистом, понимавшим свою некомпетентность в вопросе, Игорь отправлял всех к нашему руководителю, Мише. Начальник не стал сейчас ничего ему объяснять, просто сунул в руку распечатку текста заявления для «заучивания» – не все же ему одному отдуваться, пусть и подчиненные поработают.

Мы решили идти в толмачевский офис «Сибири», чтобы посмотреть новости. В кабинете генерального директора (сам Филев уже был в Сочи – при первой же возможности он вылетел из Москвы туда, где был организован штаб по

расследованию катастрофы) работал телевизор. Смотрели все новости подряд – «Первый», НТВ, «Россия». Наконец, начался выпуск местных «Вестей». Как и везде, первая новость – про нас. Как и в новостях «Федералов», только три версии случившегося: теракт, техническая неисправность самолета, ошибка экипажа – и ни слова о «быстро приближающейся точке». Потом мы, как и на других каналах, послушали из телевизора зачитанное Мишей по телефону заявление «Сибири», а вот после началась «самостоятельность». С ухмылкой ведущая предложила зрителям послушать комментарий бывшего представителя авиакомпании «Сибирь» в Израиле. За систематическое, но так и не доказанное воровство господин из Тель-Авива был когда-то с треском отлучен от «сибирской» кормушки. Однако бывший новосибирец остался добрым приятелем тогдашнего руководителя нашей местной государственной телекомпании, поэтому счел для себя возможным дать интервью «Вестям», причем говорил он с явным удовольствием – даже по телефону чувствовалось его злорадство. Суть высказываний уволенного представителя авиакомпании сводилась к тому, что все российские перевозчики летают на ужасных самолетах, а уж про «Сибирь», летающую исключительно на го...не советского производства, и говорить нечего...

Я, кстати, точно помню, когда и где в тот вечер в эфире появилась, наконец, единственно правильная версия трагедии – со ссылкой на источник какого-то западного информагентства в Пентагоне, ее озвучило в ночном спецвыпуске новостей НТВ. В коротком «устяжке» (устном сообщении диктора) было сказано, что американские спутники следили за ходом учений украинских войск ПВО в Крыму и засекли, как одна из ракет отклонилась от заданной траектории. Если честно, я тогда почувствовал небольшое облегчение – мне казалось, что на «технической неисправности» и «плохом экипаже» российские официальные лица будут настаивать до конца. И что бы тогда значила наша правда против этой заряженной «на всю катушку» машины?

Чуть позже, после очередной созвонки с Филевой, наш руководитель сказал, что завтрашним сочинским рейсом нужно обязательно кому-то лететь. Пока было не очень понятно, зачем – формулировка звучала как «помогать Филеву». Первым кандидатом был Игорь – было ясно, что с завтрашнего дня вторым информационным центром после Новосибирска станет Сочи, где Мише нужен будет надежный «дублер», способный грамотно комментировать события и излагать точку зрения компании. Я вызвался «добровольцем» в помощь Игорю – второго нашего пиарщика, Глеба, уже назначили ответственным за сайт, а у рекламщиков Олега и Женьки были маленькие дети, Миша пожалел их и не стал отрывать от семей. Хотя и оставшиеся в Новосибирске сотрудники нашего отдела «вкалывали» в эти дни, что называется,

«по полной». Одни круглосуточные «посменные» дежурства на телефоне пресс-службы чего стоили.

* * *

Домой я попал часа в два ночи и спать решил уже не ложиться, быстро собрал вещи в сумку и сел смотреть бесконечные спецвыпуски новостей. «ГАЗель» от авиакомпании заехала за мной часов в пять утра – кроме нас с Игорем в Сочи были командированы главный юрист авиакомпании, Анатолий Андреевич, и два «замполита»¹ – пилотский и «технар».

На посадку проходили в гробовой тишине – еще вчера вечером было решено воспользоваться плановым рейсом «Сибири» в Сочи для отправки родственников членов экипажа и тех близких пассажиров тель-авивского борта, кто встречал рейс в Новосибирске. Больше половины самолета занимали именно они – уже в черном и с красными от выплаканных слез и бессонной ночи глазами. Остальные пассажиры, летевшие, скорее всего, в поздний отпуск, тактично старались не выражать своей радости от полета к морю.

В Адлере самолет встречал лично Филев. Он, как дирижер оркестра, командовал сразу тремя автобусами у трапа: один из них должен был увести родственников экипажа в пилотский поселок близ аэропорта, а два других – забрать родственников пассажиров. Такова суровая реальность всех авиакатастроф: родственники погибших членов экипажа и родственники пассажиров не должны встречаться, потому что обычно они явятся непримиримыми врагами – даже когда известны причины катастрофы и экипаж «ни при чем», у некоторых остается желание обвинить пилотов: «Это твой муж мою дочь убил».

Анатолия Андреевича и «замполитов» Филев, похоже, ждал, а вот увидев нас с Игорем, аж позеленел от злости:

– А вы что здесь делаете? На хрена прилетели?

Мы попытались оправдаться – дескать, Наталья Валерьевна (Филева то есть) нас отправила, но генеральный не слушал – он организовывал посадку в автобус.

Подавленные, мы с Игорем «прибились» к Анатолию Андреевичу и поехали в гостиницу «Москва» вместе с родственниками пассажиров. Расселением там командовал местный представитель авиакомпании, Олег Александрович, с ним я был знаком по моим предыдущим командировкам в Сочи. Пропустив вперед прибывших с нами людей, мы оформились в одноместные номера последними. Как и со всех остальных, с нас не потребовали ни единой бумажки – даже паспорта мы не показывали, просто сказали свои фамилии и получили ключи.

Я распаковывал вещи, когда в номер поступал Анатолий Андреевич:

– Спускайтесь с Игорем вниз, в кафе – Филев зовет разговаривать.

Я звякнул Игорю, чтобы он тоже поторопился, и побежал к лифту.

В Сочи был бархатный сезон: +25 и солнце. По причине «продолжения лета» все уличные кафешки, в том числе та, что располагалась около гостиницы «Москва», исправно работали. Владислав Феликсович сидел в пластмассовом кресле и пил главный сочинский напиток, кофе по-турецки, который здесь, естественно, называют «кофе по-армянски»: консистенции белорусского киселя, с пенкой, очень крепкий и очень сладкий. Нам генеральный заказал такой же.

– Смотрите, парни, – сказал Филев совершенно по-деловому, от его утреннего срыва не осталось и следа, – замполиты работают с родней экипажа, я тут в штабе, в основном. Андреевич тоже туда пойдет – с прокуратурой общаться, да и по другим юридическим делам. А вот родственниками пассажиров заниматься некому – вы будете.

Далее генеральный директор выдал нам еще две «вводных» – он категорически запретил нам плохо отзываться о властях – как местных, так и федеральных, что бы те ни говорили и что бы ни делали, а также попросил не высказываться о пресловутой украинской ракете:

– Похоже, все на нас валить будут.

Мы с Игорем принялись за работу. Прежде всего, нужно было понять, кто же все-таки прилетел сегодня утром – с кем из родственников пассажиров придется иметь дело авиакомпании при решении вопросов компенсаций, страховок, возможных судебных разбирательств – нужны были списки. Второе: всем, кто прилетел в Сочи рейсами чужих авиакомпаний, а таких было немало – до Новосибирска рейсом из Израиля летели и барнаульцы, и красноярцы, и даже хабаровчане, – «Сибирь» пообещала компенсировать стоимость перелета, соответственно, нам нужно было собрать эти билеты, «провернуть» их через компанейскую «бюрократию» и отдать людям деньги. Третье: мы должны были по мере сил помогать персоналу гостиницы с расселением все прибывающих родственников, правда, основной аврал планировался на завтра, когда из Израиля должен был прилететь специальный чартер. Ну и, наконец, четвертое: хоть мы и не были специалистами, нам поручалось оказывать всю возможную помощь находившимся в горе людям – лекарства, контакт с медиками, организация транспорта и прочие «мелочи».

Вечером состоялась первая встреча штаба с родственниками. После ужина в гостиничном ресторане людей попросили остаться. В импровизированном «президиуме» сидели глава штаба по расследованию катастрофы, секретарь Совета безопасности России Владимир Рушайло со своей помощницей, замгубернатора Новосибирской области Виктор Косоуров, прилетевший тем же рейсом, что и мы, мэр города Сочи Леонид Мостовой и гендиректор «Сибири» Владислав Филев. Говорил в основном Рушайло. Он вновь озвучил официальную позицию пра-

вительства России, сказав, что комиссия рассматривает только три версии: теракт на борту, ошибка экипажа, техническая неисправность. В зале раздался голоса:

— А что вы скажете про учения украинских ПВО?

Похоже, вчерашние новости по НТВ смотрели не мы одни — про украинскую ракету, как потом выяснилось, знали все присутствующие.

Секретарь Совбеза ответил, что версии случайного попадания ракеты штаб не рассматривает. Началась перебранка.

— Вы про «Курск» ввали, теперь про самолет врте? Вы вашего друга Кучму выгораживаете? — кричали из зала.

Но чиновник был непреклонен — только три версии.

После встречи я вышел из гостиницы переvestи дух и выпить кофейку в уличной кафешке. Рядом сидели и курили парни в костюмах. Это были следователи-дознаватели из местной прокуратуры — я их видел сегодня несколько раз в гостинице, они ходили по номерам и допрашивали родственников пассажиров тель-авивского рейса.

— Слышь, ты же из «Сибири»? — обратился ко мне один из них.

Я подтвердил сей факт.

— Скажи, а чо вы все сюда-то приперлись, в Сочи? Он же под Новороссийском, считай, упал! — скорчив страдальческую гримасу, спросил вдруг парень так, будто выбор места для работы штаба по расследованию катастрофы зависел от меня. — Мы тут жили — не тужили, а сейчас нам геморрой такой!

Я не знал, что отвечать работнику прокуратуры — я тоже не был счастлив оттого, что у нас упал самолет, и тоже предвидел, что несколько ближайших дней у меня будет «геморрой» из-за этой катастрофы — только я дурацких вопросов никому не задавал в этой связи. А тоже мог бы...

С первого же дня мой 653-й номер как-то сам собой превратился в неофициальный штаб авиакомпании в гостинице. На той же первой встрече с родственниками Филев представил нас с Игорем как тех «двух парней, к которым можно обращаться в любое время дня и ночи по любому вопросу», поэтому люди обращались. Мы, опираясь на списки гостиницы, начали составлять свои списки родственников пассажиров, спускались на ресепшен, когда приезжал кто-то, дабы отметить в своих списках и понять, кому из погибших и кем он приходится, помогали человеку поселиться, собирали билеты у тех, кто прилетел не рейсом «Сибири». С билетами мы бегали в наше представительство, сканировали и отправляли их по электронной почте на адрес финдиректора в Новосибирск. Получив скан с подписью, получали в кассе деньги и сразу же бежали назад — отдавать деньги людям. Все это происходило безо всякой волокиты и, насколько я помню, даже без расписок — я, например, раздал людям под сотню тысяч рублей

компенсации за перелет. Сколько выдал Игорь, даже не знаю.

А еще к нам шли люди со своими проблемами — у кого-то закончились лекарства, а в Сочи таких не было. Мы звонили в Москву нашему тогдашнему представителю Андрею, и тот отправлял их ближайшим рейсом. По ночам прокуратура вызывала людей на опознание тел, и мы решали, где взять машину до судебной экспертизы и назад, дозваниваясь до нашего сочинского представителя или на круглосуточный телефон мэрии. Первую ночь в Сочи я вообще провел, провисев на телефоне, — одна женщина из Красноярска, потерявшая в катастрофе мужа, весь день падала в обморок — врачи, дежурившие в одном из гостиничных номеров, несколько раз бегали приводить ее в чувство. В конце концов, они попросили меня вызвать в Сочи кого-нибудь из ее родственников. Единственным человеком, которого хотела видеть женщина, был друг ее мужа, проживавший в Омске. Сначала я дозванивался до него, чтобы сообщить о том, что его здесь ждут, потом будил посреди ночи омского представителя «Сибири», чтобы тот сделал билет по маршруту Омск — Москва — Сочи, потом перезванивал дядьке сообщить, как ему завтра лететь и где получить билеты... Одним словом, рутина.

Часть 2. Гребаный совок

Наш самолет погиб страшно. Ракета С-200 — умная, предназначена для поражения крупных воздушных целей — транспортных самолетов и бомбардировщиков. Даже если натовский «Геркулес» будет лететь в сопровождении легких истребителей, она «выберет» «Геркулес». Украинские пэвэошники, по одной из версий, «упустили» ракету, по другой — изначально ее не «вели». Умный продукт советского военпрома проигнорировал учебную цель и «выбрал» пассажирский самолет. Для усиления поражающей силы ракета устроена так, что в нескольких метрах от цели она разрывается, и в самолет уже летит шрапнель — несметное количество металлических шаров, которые, по замыслу конструкторов, должны просто изрешетить и разломать фюзеляж. Даже с пробойной иногда можно продолжить полет, С-200 же не оставляла самолету никаких шансов.

Пилот летевшего эшелонем ниже Ан-24 армянской авиакомпании видел взрыв над собой и видел падающие куски нашей несчастной «тушки» — никаких киношных пикирований и «заваливаний» самолета — в море падали обломки.

Еще страшнее погибали люди — у тел, найденных в море, отсутствовали головы, они просто оторвались во время внезапной остановки самолета на высоте в одиннадцать километров. То, что смерть всех пассажиров была мгновенной, и люди не мучались, было единственным утешением для несчастных близких.

Катастрофу в небе видели на судне «Капитан Вакула». Сухогруз сразу же отправился к месту падения, где моряки собрали с поверхно-

сти воды все, что можно было собрать: как имелись в официальных документах, четырнадцать тел и один фрагмент (говоря по-простому, нога), части и оборудование самолета – куски обшивки фюзеляжа, дверь, тележка из-под горячего питания, а также множество личных вещей пассажиров. Собственно, прибывшим через какое-то время спасателям МЧС спасать было некого и практически нечего – дальше, в общем-то, был какой-то не ведомый никому ритуал: вертолеты, тралы, корабли. Глубина Черного моря в том месте приличная, а на дне – сероводород, так уж море это устроено, поэтому все, что попало на дно, скорее всего, за несколько часов просто разложилось.

* * *

На следующий день в Сочи прилетели израильтяне. Вместе с нашим чартером прибыл израильский военный самолет, на борту которого находилось оборудование для идентификации останков тел. Тем же самолетом были доставлены какие-то официальные чиновники, направленные для работы в штабе.

Организовывал внеплановый рейс в Сочи представитель «Сибири» в Израиле Феликс, прошедший первые сутки после катастрофы на безжалостном допросе израильских спецслужб только потому, что упавший самолет за день до рейса в Тель-Авив успел слетать в Арабские Эмираты. Эмираты, хоть и не граничат с Израилем, формально находятся с еврейским государством в состоянии войны. Версия теракта (причем какого-то очень изощренного теракта: самолет вернулся из Дубаи в Новосибирск, улетел в Тель-Авив и только на обратном пути был взорван хитроумными арабами), похоже, была актуальной и в Израиле.

Мы с Игорем стояли с не привычной для нас стороны стойки гостиничного ресепшена и ждали автобусы с пассажирами чартера.

Израильтяне, казалось, вошли в гостиничный холл все разом и заполнили собой все пространство. Они были гораздо более шумными и раскованными, чем «наши» – многие приехали с детьми, которые бегали и кричали. В отличие от «наших», израильтяне неохотно стояли в очереди к ресепшену, поэтому постоянно выкрикивали что-то типа: «Когда закончится это издевательство?»

Виновниками «издевательства», конечно же, были я и Игорь. Около часа мы с ним и с девчонками из гостиницы крутились как белки в колесе – документы мы, как обычно в эти дни, ни у кого не просили, но все равно процедура оформления человека в номер занимала какое-то время. Фамилия, сколько человек в номер, выбор номера по таблице, ключ в руки, фамилия, сколько человек в номер, выбор номера по таблице, ключ в руки, фамилия, сколько человек в номер... Мне казалось, это никогда не кончится.

Мы старались все делать быстро, но нам постоянно мешали умудрявшиеся нарушать

даже не оформившуюся толком очередь израильские журналисты и так называемые «социальные работники». «Запрессованный» Феликс, собирая чартер, был тих и покладист – помимо родственников пассажиров, он выписал билеты на самолет и этой несметной братии. Теперь они, вылезая откуда-то из-под мышки очередного заплаканного родственника, вкрадчиво спрашивали нас:

– Простите, молодой человек, я журналист русской радиостанции «Голос Израиля», вы мне можете дать одноименный номер?

Я старался не обращать на них внимания, но иногда все-таки срывался, в грубой форме сообщая им, что журналистов мы не вызывали, и моя задача поселить родственников пассажиров. Обиженные представители масс-медиа и «социальные работники» фыркали и кричали мне в лицо что-то про «грэбанный совок» – все они когда-то жили в Советском Союзе, иначе откуда бы знали это словечко. Мне было все равно, что они там орут. «Грэбанный совок», по моему, это когда лезешь без очереди и норовишь протиснуться «на халяву»...

Когда я, наконец, вышел на улицу, то увидел Филева, ругавшегося с израильским представителем по мобильному:

– Феликс, ну, твою мать, на х...й ты этих сюда отправил? Мне они здесь не нужны – ни журналисты твои, ни собес этот ваш... Кто платить за них будет?

Я вдруг понял, что платит-то за все «Сибирь»! До этого момента я даже не задумывался, «за чей счет банкет». Оказалось, за наш. Авиакомпания как «виновница торжества» (я думаю, что «виновницей трагедии» компетентные люди ее сразу не считали) щедро платила за все: гостиницу и полное содержание людей, авиaperелеты, чартеры, «гробовые»... Даже счет от МЧС за проведенные спасательные работы был выставлен на реквизиты «Сибири».

Закончив разговор с Тель-Авивом, генеральный повернулся ко мне:

– Много их прорвало?

Я ответил, что, похоже, кое-кто все-таки проскочил – документов мы ни у кого не требовали, а далеко не все из них сообщали, что не являются родственниками пассажиров.

– Так, я за этих платить не буду. Установить всех «левых» и сообщить им, чтобы шли на ресепшен и оформлялись в гостиницу сами, как положено, – сообщил мне новую задачу Филев.

Забегая вперед, скажу, что приказ директора мы с Игорем выполнили – из списков «наших», тех, за кого готова была платить «Сибирь», мы их вычеркнули. Правда, не всех смогли уведомить, потому как с первого же дня «социальные работники» и журналисты разбрелись по сочинским пляжам и ресторанам. Многие из них были неприятно удивлены при выезде необходимостью оплатить проживание, питание и недешевые телефонные разговоры. Мы очередной раз подтвердили звание «грэбаного совка»

– в Израиле-то, судя по всему, таким важным персонам все предоставляют бесплатно.

После расселения новой партии родственников работы у нас с Игорем заметно прибавилось. В сумме наших «подопечных» получилось около двухсот человек – у каждого была своя «маленькая проблема», и с ней он шел к нам. А куда им еще было идти?

У меня, конечно, была смутная надежда на то, что часть проблем возьмут на себя «социальные работники» из Израиля, но эти бездельники с ноутбуками под мышкой лишь увеличили «трафик» входящих в мой номер людей.

– Женщине из Красноярска плохо, сделайте что-нибудь, – доложила не поленившаяся дойти до нас толстая тетка из числа «социальных работников» как бы между прочим.

В ответ Игорь довольно резко сообщил ей номер телефона, по которому можно вызвать врача. Та фыркнула и ушла восвояси. Через полчаса после нее приперся другой ценный кадр:

– Люди интересуются, когда вы им выдадите свидетельства о смерти их родственников?

– У вас в Израиле свидетельства о смерти выдают представители частных компаний? – одесски вопросом на вопрос ответил ему я. Парень тоже ушел с обидой в честных глазах.

В дверь снова постучали.

– Да-да, – крикнули мы с Игорем хором.

На сей раз в номер зашли сразу двое. Один из них выглядел как типичный великовозрастный «маменькин сынок» из еврейских анекдотов, а второй был копией французского актера Жана Рено – с выпученными глазами, высоким лбом и трехдневной щетиной. Дядьки представились работниками ростовского отделения еврейского агентства «Сохнут»². «Господи, – подумал я, – этих еще не хватало на наши головы!»

– Парни, вы делаете большое дело, и, не Боже мой, мы не собираемся вам ничем мешать, – сказал двойник Жана Рено по имени Лев. Лева вообще говорил так, как говорили, наверное, только герои «Одесских рассказов» Бабеля. Я даже не подозревал, что такая биндужья манера разговора еще существует.

– Это хорошо, – неуверенно ответили мы с Игорем.

– Скажите, в чем нужна наша помощь? – робко спросил второй, оказавшийся обладателем имени Биньямин.

Первый раз за эти пару суток к нам пришли за тем, чтобы помочь нам, а не просить-требовать чего-то от нас. Мы даже растерялись от неожиданности.

– Слушайте, сделайте так, чтобы к нам не ходили социальные работники, – под впечатлением от нескольких визитов израильского «собеса» выпалил я.

– Что, они вас так за...бали? – с улыбкой спросил Лев.

– Уже да, – ответил я.

– Хорошо, они не будут больше ходить к

вам, они будут ходить к нам, – предложил устаревшее нас решение «биндужник».

Мы не смогли сразу найти того, чем нам еще мог бы помочь ростовский «Сохнут», но дядьки заходили потом регулярно – «сверять часы». Они действительно в эти дни взяли на себя очень много наших «головняков».

Уже было совсем поздно, около полуночи, когда нас позвал на ужин Анатолий Андреевич. Завтракали сегодня мы в уличной кафешке, а обед «пропал» из-за прибывшего израильского чартера. Такой режим питания станет для нас нормой на ближайшие несколько дней – лишь в первый сочинский день мы с Игорем ходили на обед и ужин вместе с родственниками пассажиров, потом стали стесняться. Нашими завтраками и обедами стали бесконечные «пятиминутки» в кафе около «Москвы», где я всерьез пристрастился к армяно-турецкому кофейному шедевру.

Сейчас мы шли с Игорем и главным юристом «Сибири» по сочинскому «променаду», выбирая кафе, в котором будем ужинать. В глаза бросилась основательно пьяная компания из украинских и российских генералов – бывших одноклассников, разлученных независимостью государств, вновь свела вместе судьба, и теперь они, работники штаба по расследованию катастрофы, бурно отмечали встречу в сочинском летнем кабаке.

– Паша, ну точно же это ваши были! – орал пьяный россиянин.

– Ни х...я! – отвечал ему не менее пьяный «украинец». – Никогда не докажете.

Мы выбрали, наконец, себе кафешку, где потом ужинали армянской долмой всю следующую неделю. Маленький праздник для желудка в условиях тяжелой, нервной и безрадостной рутины.

* * *

Утром после окончания завтрака мы поднялись с Игорем в гостиничный ресторан. Там начал стихийно образовываться «комитет» родственников пассажиров, выдвигавших «требования», и нам надо было быть в курсе этих «требований». Инициатива шла, конечно же, от израильтян. Потом нам Лева пояснил, что это довольно типично для Израиля – в стране, где одновременно сильны свобода слова, социальная ориентация, коррупция и чиновная безалаберность, единственным способом изменить что-либо является стихийный народный протест. За полвека существования государства к этому так привыкли, что теперь «комитет» по борьбе с очередным не устраивающим кого-то решением правительства, парламента или местной мэрии возникает еще до того, как решение будет принято. Лев это выразил проще:

– Там сначала все орать начинают, а потом уже разбираются, что же им предлагают!

Наш «комитет» выдвинул следующие требования: решить вопрос со страховкой, как можно скорее выдать документы о смерти на погиб-

ших, обеспечить доступ журналистов к родственникам, признать версию украинской ракеты основной, кормить их только кошерной едой.

Мы с Игорем, а кроме нас никого из «официальных» людей там не было, как могли, отвечали на каждое требование.

Универсальных и «автоматических» страховок пассажиров международных рейсов, в силу разницы законодательств стран, не существует – соответственно, получить компенсацию можно только с виновника катастрофы в досудебном порядке или через суд. Документами о смерти, как и версиями катастрофы, занимался штаб, поэтому мы пропустили эти пункты. От журналистов никто родственников не прятал – многие представители российских и иностранных СМИ жили в той же гостинице, в соседних номерах. Правда, охранники из «Москвы», действительно, иногда слишком нарочито гоняли камеры российских телеканалов с площадки перед зданием, но то были какие-то их, гостиничные, порядки и решения.

Меня, конечно, больше всего удивил и обидел последний пункт – ну, не были мы знатоками религиозных требований евреев к еде. Свиному, понятное дело, исключили из рациона сразу – вся гостиница перешла на «безвининную» диету из-за того, что значительная часть ее постояльцев сейчас были евреями. Но вот обвинения в том, что мы прибывших родственников чуть ли не на смертный грех отправляем неподготовленностью кухни к их визиту, звучали похамски и очень обидно. Я почему-то вспомнил (вслух, разумеется, не произнося), что, например, христианам – больным или находящимся в путешествии – разрешается даже посты не соблюдать. Что-то такое же есть и у мусульман. Но, даже если в древней иудейской религии все как-то иначе, это можно было сформулировать не в столь категоричной форме. В конце концов, когда мне что-то не нравилось даже в полностью оплаченном мною меню турбазы, где я останавливался, я обычно шел «искать пропитание» на стороне... Филев, когда узнал о таком требовании «родни», выматерился и попросил Анатолия Андреевича найти раввина из местной синагоги, чтобы он «утешил» кулинарные запросы «комитета».

Этот день запомнился двумя «прибытиями». Сначала я увидел в холле гостиницы губернатора Краснодарского края Ткачева, приехавшего на место работы штаба с однодневным визитом. Он стоял в окружении своей «свиты» и громко материл несчастного сочинского мэра Мостового. Маленькому «интеллигенту» с бородкой, Мостовому, небо, казалось, становилось «с овчинку» – он ничего не мог найти в ответ на крепкий губернаторский мат и жадно хватал ртом воздух. Не знаю, конечно, но наряду с ростовским «Сохнотом», местная мэрия мне казалась одной из немногих структур, работоспособной в нынешних условиях. У нас, во всяком случае, никогда не возникало проблем ни с автобусами,

ни с машинами, ни с врачами, ни с другой бытовой «текучкой».

Второе – это прибытие в помощь нам шести человек из числа авиакомпанейских бортпроводников и одного, самого главного в «Сибири», «замполита» – заместителя генерального по персоналу Ивана Григорьевича. Бортпроводников «выписал» из Новосибирска Филев, когда увидел, что мы с Игорем начали откровенно «зашиваться». Прислали самых лучших, из «международной» бригады: Рашида, Сашу, Ольгу, Марину, Наталью Геннадьевну. Имя шестого нашего «соучастника», красивой белокурой девчонки, я, к сожалению, уже забыл. Стюарды и стюардессы оказались совсем не лишними в нашей с Игорем компании. Во-первых, нас стало больше, и теперь мы стали успевать везде, а во-вторых, бортпроводники, вообще-то, являются командой профессиональных спасателей – через несколько лет именно стюардессы спасут в Иркутске жизни большинства пассажиров «аварийного» рейса «Сибири» тем, что вовремя откроют люки и помогут людям быстро покинуть салон. У них, даже самых хрупких девчонок, совсем другой взгляд на вещи – по-медицински циничный и хладнокровный. Я, каюсь, действительно, тогда очень многое пропускал «через себя» – и не всегда это было правильно.

Родственники пассажиров начали опознавать тела погибших. Узнав средние расценки на «гробовые» в Сочи, Филев увеличил эту сумму процентов на тридцать и пообещал всем все оплатить – получалось что-то около двадцати тысяч. Но нам несли счета и на сорок, и на шестьдесят. Наш генеральный скрипел зубами, но все равно подписывал их к оплате.

– Это еще хорошо, что у меня гробы из красного дерева закончились, – melancholично сообщил хозяин похоронного бюро одной из наших стюардесс, сопровождавшей какого-то родственника на церемонии «прощания», – эти точно именно такие выбрали бы.

Когда мне пересказали эту реплику, я вспомнил бессмертное «жванецкое»: «У людей большое горе, они хотят поторговаться». И его же: «Вы не хоронили осенью в Одессе?»

У нас с Игорем, и теперь уже с бортпроводниками, появилась новая задача: организация перевозки «груза 200» – тел погибших. Естественно, не сама организация, а координация этой перевозки со стороны родственников: узнать, куда везти, понять и передать всю цепочку отправки тела по месту назначения сначала в грузовой отдел компании, а потом – родственникам. Если выражалось желание похоронить погибшего в Израиле, то всей организацией занималось правительство этого государства, если же родственники решали везти хоронить в один из российских городов, то доставку делала «Сибирь». Моим постоянным новосибирским «собеседником» в длинных телефонных разговорах теперь стал начальник грузового отдела авиа-

компании Макс – тот самый, который первым сообщил мне о нашей авиакатастрофе.

Самой «замороженной» оказалась отправка «груза 200» в Магнитогорск – «Сибирь» не летала тогда в этот крупный город Челябинской области, а другие компании не летали туда прямыми рейсами из Сочи. Как на грех, именно у этого покойника была очень вредная родня – сестра, переехавшая в Израиль из Советского Союза, и ее сынок, выросший уже на «Земле Обетованной». Был еще с ними мужичок из Новосибирска, но я не запомнил, кем он им приходился.

Я пришел к ним в номер, выдал билеты с необходимыми документами и рассказал, как они все вместе летят сегодня в Магнитогорск:

– Из гостиницы на московский рейс вас увезет «ГАЗель». В аэропорту Внуково из-под трапа самолета вас забирает машина нашего представителя – будет объявление в салоне, слушайте внимательно. Эта машина идет в гостиницу аэропорта Домодедово, где вы сегодня ночуете. Рано утром в номер гостиницы приходит представитель магнитогорской авиакомпании, который ведет вас на рейс. В Магнитогорске вас встречает машина местной мэрии и везет по тому адресу, что вы им скажете. Теперь – как перемещается тело вашего покойного родственника. Оно летит в Москву тем же самолетом, что и вы, в багажном отделении, в Москве его сразу же везут на грузовой терминал в Домодедово, откуда оно вылетит вашим же магнитогорским рейсом. Вы его только принимаете у себя дома в Магнитогорске.

Мне казалось, что я все объяснил весьма доходчиво, и у мамы с сыном-подростком вопросов вроде бы не возникло. Но через полчаса они постучали ко мне в номер:

– Еще раз объясните, пожалуйста!

Я, не торопясь, и чуть более подробно, чем в первый раз, пересказал им всю подоплеку с самого начала. При этом я старался не встречаться взглядом с юношей, в выражении лица которого читалось неподдельное презрение ко мне.

Второй раз они постучали в номер через час. Мы в это время сидели и «сверяли часы» с ростовчанами.

– Вы нас обманываете! Вы ничего нам так и не сказали, как повезете моего дядю! – кричал мне с порога юнец, его презрение после каких-то семейных обсуждений оформилось в настоящую ненависть.

Я вдруг вспомнил главный аргумент русских антисемитов, блистательно выраженный одним из героев Валерия Гаркалина в комедии «Ширли-мырли»: «Мама, да они же нас гоями считают!» Право же, немногие знают, кто такие «гои», но аргумент очевидно «стопудовый»! Почувствовав себя «гоем», я принял «боевую стойку» и уже был готов максимально корректно растолковать маленькому «сионисту» его неправоту. Но на выручку ко мне

пришел Лева. Он оттеснил парнишку и обратился к его мамаше:

– Мадам, мне нужно сказать моему товарищу пару слов. Минуточку мы с ним побеседуем конфиденциально!

Лев схватил меня за рукав и потащил на балкон, оставив своего коллегу Беню общаться с крикливыми родственниками.

– Андрюша, я вообще не понимаю, почему вы с ними цацкаетесь! – выпучив глаза еще больше, чем дала природа, резко сказал мне Лева. – Эта семейка уже всех здесь за...бала! Шлите их на х...й!

– Лев, я не могу вот так просто послать их. Буду очень признателен, если вы мне в этом поможете, – вежливо ответил я прямолинейному ростовскому еврею.

– Ну, надо же как-то учиться, – посоветовал мне Лева, все так же пуча глаза и размахивая руками.

Мы вернулись в комнату. Действия ростовчанина были молниеносными. Он так же, как пять минут назад меня, схватил юношу-крикуна за рукав и начал выпихивать его и его мамашу за дверь.

– Пойдемте, молодой человек, я вам все сейчас объясню, куда и как вы сегодня полетите. Не будем мешать «Сибири» заниматься своими делами, – веско говорил им Лева.

Я не знаю, какие аргументы нашел представитель «Сохнута», но в следующий раз эту семейку я увидел только тогда, когда она садилась, чтобы ехать на рейс, в присланную сочинской мэрией «ГАЗель».

Кстати, именно их новосибирского родственника я примерно через год встретил в метро – он меня тоже узнал, поздоровался, сообщил, что все тогда прошло как по маслу, извинился за свою буйную родню и поблагодарил меня. Из почти двухсот человек «подопечных» он был единственным, кто сказал мне «спасибо» за то, что мы делали в Сочи.

* * *

Странное дело, с момента той сочинской командировки прошло уже несколько лет, но я помню лица своих «подопечных» и их характеры, хоть и не помню фамилий. Да, были Калиновские, Капчицы, Дыкманы... Но я не могу сопоставить фамилии с лицами и характерами, я помню только людей. Я помню несчастных стариков из Искитима, потерявших своего единственного сына, который возвращался домой от родственников жены. Помню того дядьку-армянина из Мурманска, с первого дня запершегося в номере и неохотно открывавшего дверь – в том самолете у него погиб брат, и он крепко пил теперь, оплакивая его, а показывать слезы мужчинам-кавказцам никак нельзя. Я помню отца погибшей со всей своей молодой семьей дочери. Помню и ту женщину из Красноярска, что каждый час падала в обморок, и того дядьку, руководителя стихийного «комитета» родственников. Интеллигентную тихоню-старуш-

ку, оказавшуюся дальней родственницей хозяйки одной из рекламных контор, с которыми работала «Сибирь», я тоже помню. Я, вообще, наверное, всех вспомню, если увижу их вновь...

* * *

Родственники и пассажиры, и членов экипажа выразили желание посетить место крушения самолета. Фрахт (так это по-морскому называется) корабля тоже взял на себя лично Филев – он не только заплатил за судно, но даже решил все вопросы, связанные с выходом за пределы российских территориальных вод людей, большинство из которых в суετε первых дней даже паспорта заграничные с собой не взяли. По причине того, что на борт корабля помещалось только двести человек, было организовано два рейса: один – для родственников экипажа и журналистов, второй – для родственников пассажиров. Восьмого числа состоялся первый рейс. У нас появилась небольшая передышка – сегодня нас не донимали израильские и российские масс-медиа. Но все остальное было так же: бесконечные новые требования «комитета» – сейчас они требовали (почему-то от «Сибири») организовать процедуру опознания и последующей раздачи собранных в море личных вещей погибших, отправку «грузов 200», уточнение списков и прочие «мелочи». Рутинная, одним словом...

С утра мы все вместе сидели в моем «штабном» номере и пили чай. Девчонки-стюардессы взяли на себя заботу о нас с Игорем – они деловито подоставали из своих «закромов» пакетики чая, явно «реквизированные» с рабочего места, сахарок в фирменной «сибирской» упаковке и конфеты «Взлетные». Чаепитиями они спасали нас от «кофейной интоксикации». Вдруг в номер ворвался Иван Григорьевич. По слухам, «сосланный» в Сочи за то, что он чуть не организовал в Новосибирске встречу с «коллегами» погибшего экипажа журналистам телеканала «Россия», Иван Григорьевич прибыл в город руководить нами. Первые сутки деятельный шестидесятилетний «замполит» не мог найти себе занятия – мы без него прекрасно понимали, что нужно делать, и довольно быстро распределили обязанности между собой. Но, видимо, оставлять нас без «руководительской опеки» было не в правилах Ивана Григорьевича, поэтому сегодня он решил провести среди нас разъяснительную беседу.

– Смотрите, парни, – обратился оратор к разнополуму «личному составу», – сегодня уже пятый день, считай, пошел. И сейчас точно начнется. Сейчас они все будут тут «это самое» – они же, евреи, такие! Сейчас начнется! И мы еще у них попляшем! Это я вам говорю – начнется, помяните мое слово!

Речь «замполита» была живой, образной и воодушевляющей – в ней только начисто отсутствовал предмет. Опытный выпускник высшей партшколы, не тонуший ни при каких ре-

жимах, аккуратно упустил из своего спича, что же именно «начнется» и почему мы должны «плясать».

– Смотрите у меня! – все более распалялся «партиец». – Это не только я вам сейчас говорю, Владислав Феликсович мне то же самое сказал: – Иди, говорит, Иван Григорьевич, доведи до парней. Чтобы ни-ни-ни-ни!.. Ни-ни-ни-ни! – выждав театральную паузу, зачем-то повторил последнюю бессмыслицу «замполит».

Мы сидели зачарованные пламенным воззванием нашего руководителя, и никто не решился переспросить, о чем он только что говорил – нас распирал «боевой дух» и готовность к подвигу. Я до сих пор жалею, что у меня не было под рукой в тот момент диктофона – такие речи нужно проходить в вузах на мастер-классах по ораторскому мастерству. Где там Пелевину с его знаменитой «командирской зарукой» из «Чапаева и Пустоты»? В жизни еще полно «Иванов Григорьевичей» – они так воспамят «массы» полной нелепидей, что только колочки потом под эти «массы» подкладывай!

Гораздо содержательнее были «пятиминутки» с Филевым в уличном кафе. На «замполитовские» «ни-ни-ни» можно было только согласно покивать головой, а настоящие задания мы получали от генерального.

– Смотрите, парни, – говорил нам сегодня Владислав Феликсович – в отличие от утренней «летучки» «замполита», за столом сейчас действительно находились только мужчины, – меня все это начинает уже доставать. Вообще-то, в мире принято, что авиакомпания компенсирует пролет и проживание на два дня для двоих родственников. Это мы просто лохи. Андрюха, сколько их тут у нас? – обратился он ко мне.

В ответ я выдал точную цифру проживающих в гостинице «родни».

– Они, вообще-то, ждут документов и опознания вещей, – передал я генеральному цели пребывания наших «подопечных».

– Документы им выдадут только тогда, когда всех признают погибшими, – пояснил юрист Анатолий Андреевич. – Это и несколько месяцев может занять. Пока они считаются «пропавшими без вести» – тел ведь практически нет.

– Вот. И что мы их тут все это время кормить будем? – риторически спросил Филев. – Еще и Феликс нам пи...орасов каких-то прислал, – мимо нас как раз прошел «социальный работник», тот самый, что интересовался у меня документами для родственников, сейчас он вышел из гостиницы в шлепанцах, шортах и с полотенцем через плечо, явно направляясь на пляж.

– С опознанием вещей, вообще, Владислав Феликсович, задница получается, – сообщил плотно работавший с прокуратурой Анатолий Андреевич. – Они никому ничего выдавать не собираются, хотя назначить процедуру опознания после того, как мы объявим дату возвращения всех по домам.

– То есть натравить их на нас хотят? – уточнил Филев.

– Похоже, так, – ответил юрист.

– Какие, коллеги, будут предложения? – спросил генеральный у всех нас.

– Надо втихую всем билеты сделать на одну дату и втихую каждому отдать, чтобы прокуратура ничего не знала, – предложил я. – Хватятся, а мы уже...

– Точно, – одобрил мое предложение Филев. – Билеты делаем туда, куда скажут – хоть в Нью-Йорк, но ничего менять никому не будем. Так им всем и скажите! Чтобы десятого числа никого здесь не было. Все, закрываем лавочку!

Была, правда, еще одна загвоздка – многие родственники из разных государств хотели улетать из Сочи «сложными» маршрутами – сначала в Новосибирск, а потом в Израиль, либо – наоборот, сперва в Израиль, а затем вернуться в Россию. Но директор наш был категоричен:

– У меня турагентство платное, пусть одну точку назовут на карте мира – туда увезу бесплатно, а вот это «туда погостить – сюда погостить» – хрен им!

Проблему «сложных маршрутов» решил за нас «Сохнут».

– Андриуша, о чем речь? – сказал мне Лев. – Конечно, я понимаю, что вы не богодельня, вы тоже пострадавшие. Мы сами всех увезем, не волнуйтесь. Вы только скажите мне, кого куда катать надо!

Такие списки, правда, пока только предварительные, у меня уже были готовы – я охотно поделился ими с ростовчанами.

Начало операции «Билет» (конечно же, не было у нее никакого названия, это я сейчас для «шпионского блеску» его придумал) было отсрочено очередными визитерами. На пороге моего номера стояли двое мужичков – один из числа наших «подопечных», второй был «новеньким».

– Скажите, вы ведь компенсируете проезд до Сочи? – спросил меня «старожил».

– Да, – ответил я.

– К нам сегодня приехал родственник из Горячего Ключа, вы не могли бы оплатить ему проезд? – продолжил дядька.

К тому времени мы выдали деньги за пролет, похоже, всем, кто к нам обратился, и я, честно сказать, был этому рад – очень уж непростой была процедура. «Старожил» протянул мне билет до Сочи не то на автобус, не то на электричку из маленького городка Краснодарского края. В самом низу билетика была отпечатана цена проезда – 65 рублей. Для понимания, билет из Красноярска стоил тысяч десять, из Хабаровска – под «двадцатку». Я молча достал из кошелька семьдесят рублей и отдал их «просителям». «Новенький» все, похоже, понял, покраснел, но деньги взял. Вот и не верь после этого в анекдоты про жадных евреев!

Мы начали корректировать наши списки пассажиров, уточняя, куда кто полетит. Как и ожидалось, в основном все собирались лететь или в Новосибирск, или в Тель-Авив. И на то, и

на другое направление «Сибирь» запланировала чартерные рейсы на десятое число.

Я сидел в нашем сочинском офисе и готовился отправлять предварительные списки в Новосибирск, когда позвонил Филев:

– Андрей, нам и туда, и туда по одной «тушке» хватит?

– Да, примерно по восемьдесят – сто человек, плюс из наших наверняка кто-то полетит – ответ у меня был наготове.

– Ага, это включая всяких журналистов? – уточнил генеральный.

– А мы их тоже возем? – удивился я.

– А! Точно! – сообразил Филев. – Пусть их военный борт израильский назад забирает! Сейчас буду договариваться.

Еще нам только не хватало узнавать, куда кто из «социальных работников» собрался лететь.

Часть 3. По-прежнему рутина...

На следующий день состоялся второй рейс зафрахтованного «Сибирью» корабля к месту крушения самолета – от авиакомпании с родственниками отправились четверо наших бортпроводников. Мы с Игорем проводили их до самого пирса ранним утром. Сегодня у нас получался практически полноценный выходной – наступило короткое затишье перед «бурей».

В гостинице с нами остались Саша и Марина – помогать составлять списки пассажиров предстоящих чартеров и тех, кого нужно было отправлять «регуляркой» «Сибири» и других авиакомпаний через Москву. Несмотря на то, что часть билетов была уже выписана, мы не успевали подготовиться к завтрашнему дню – многие значились у нас «под вопросом», как неопределившиеся, но уточнить их маршрут не представлялось возможным – почти все были на корабле.

В образовавшийся «почти выходной» Игорь решил заняться своей прямой работой «пиарщика» и отправился в Адлер на намеченный показ журналистам обломков нашего самолета.

Зал ангара был полон журналистов, здесь же были Филев и помощница господина Рушайло, но сам секретарь Совбеза, который должен был вести «экскурсию», задерживался. Журналисты выражали свое нетерпение, и помощница ответственного чиновника заметно нервничала – она бесконечно созванивалась со своим шефом, пока, наконец, не объявила:

– К сожалению, Владимир Борисович подьдет позже. Провести показ обнаруженного на месте падения мы, наверное, попросим гендиректора авиакомпании «Сибирь» Владислава Феликсовича Филева.

Как профессиональный «медийщик» я до сих пор частенько думаю, случайным было отсутствие на столь важном мероприятии руководителя штаба или же нет. Но со стороны все, что последовало далее, выглядело как явная «самодеятельность» нашего генерального.

Филев взял в свои руки «бразды правления» и внезапно пригласил журналистов не в зал, где были аккуратно разложены приготовленные для демонстрации «экспонаты», а в помещении, в котором работали по пояс голые из-за жары эксперты-«технари». Через считанные минуты весь мир облетели кадры с посеченной снаружи (а вовсе не изнутри, как было бы при теракте на борту) дверью нашей «тушки», изуродованной тележкой, кусками обшивки фюзеляжа и самими металлическими шариками – орудием уничтожения самолета и находившихся в нем людей. Уже вечером того же дня состоялась, наконец, пресс-конференция украинского министра обороны, где он «не исключил вероятность» случайного поражения самолета ракетой своих сил ПВО. Еще через несколько дней выступил сам президент «незалежной», сказавший знаменитую своим цинизмом фразу: «Не надо робить трагедию!» А что, интересно знать, надо было «робить» из смерти такого количества невинных людей?..

Бортпроводники, ходившие в море вместе с родственниками пассажиров, времени зря не теряли – они «сняли» огромное количество вопросительных знаков в наших списках пассажиров, уточнив в пути, кто куда собирался улетать из Сочи. Теплоход вернулся около полуночи – еще пару часов мы с Игорем, Сашей и Мариной уточняли и дополняли наши списки, отправив остальных бортпроводников, уставших от корабельной качки, спать.

Было уже начало третьего ночи, когда я, наконец, позвонил нашему сочинскому представителю с радостной (для меня, но никак не для него) новостью, что у нас все готово. Олег Александрович тяжело вздохнул и попросил меня самостоятельно сходить и разбудить жившую в соседнем с нашим офисом доме кассиршу Ирину.

Мы с Игорем отправились будить несчастную Иру. Ночь была теплой и темной. В траве стрекотали кузнечики, и Сочи казался вымершим. Даже странно, что в главном городе-курорте страны, иногда называемом «летней столицей», может быть так по-провинциальному тихо и безлюдно. Ирина была готова к тому, что сегодня ночью ей предстояло выписать полторы сотни билетов во все концы страны. Она довольно быстро собралась и пришла в кассу, которую уже открыл и снял с сигнализации прибывший Олег Александрович.

Мы торопились с билетами – сперва мы хотели раздать их во время завтрака в гостиничном ресторане, но сейчас решили выдавать прямо с утра, до того, как люди пойдут в ресторан. Мы, как гестаповцы, долбили в утренние двери гостиничных номеров и вручали людям билеты на сегодняшние рейсы, сообщая при этом, что возврату и обмену сия отпечатанная на фирменном бланке бумажка не подлежит. Как только пачка заканчивалась, кто-то из нас бежал в кассу и забирал у Иры следующую партию. Энергичная и жесткая рутина, одним словом...

За завтраком мы уже раздавали последние билеты – в основном те, что были выписаны на «чужие» авиакомпании – с ними было больше всего мороки. Внезапно в зале появились представители прокуратуры, объявившие, что процедура опознания личных вещей состоится завтра. В зале нарастал жуткий звук: «У-у-у!» – это начинало закипать возмущение понявших, что их только что обманули, людей. Мы с Игорем лишь успели увидеть стоявшего на лестнице Филева, который всю махал нам руками. Мы ринулись от звереющей толпы в сторону «своего».

– Быстрей-быстрей, бегом пи...дуйте отсюда! – кричал нам Владислав Феликсович. – Идите гуляйте куда-нибудь, в гостинице не появляйтесь, я вам позвоню!

Еще ниже на лестнице стоял прокурор города Сочи, все эти дни по-хозяйски дававший распоряжения налево-направо и тоже постоянно что-то «требовавший» от нас. Сейчас он почему-то был в гражданском.

– Да ну на х...й! – сказал прокурор, услышав крики из зала, и пошел вниз, вслед за нами.

Я, правда, не знаю, что происходило дальше в гостиничном ресторане – знаю только, что процедура «опознания личных вещей» началась в здании сочинского морского вокзала в этот же день, всего через пару часов после того самого «У-у-у!». На багажную ленту прокуроры просто вывалили все, что удалось собрать морякам «Капитана Вакулы» с поверхности моря, а несчастные родственники отыскивали в этих бесформенных и мокрых кучах вещи своих погибших близких и сразу же забирали их себе.

Наш генеральный перезвонил часа через полтора, сказав нам, что сегодняшним charterом в Новосибирск улетят бортпроводники, а нас с Анатолием Андреевичем он оставляет пока в городе.

– Только живо собирайтесь и переселяйтесь в какую-нибудь другую гостиницу.

Мы вернулись в «Москву». В моем номере кто-то побывал: по комнате были разбросаны вещи, а кое-какие бумаги пропали. Впрочем, бумаги были совершенно не важные – в основном ночные черновики списков пассажиров. Кому они могли понадобиться?

Мы с Игорем и главным «сибирским» юристом собрали сумки и без лишнего шума покинули гостиницу. Нашим следующим пристанищем стала легендарная «Приморская», где, говорят, в советские годы проходили «подпольные» чемпионаты по преферансу и «сходки» авторитетных воров. Действительно, простая, казалось бы, операция – смена гостиницы сработала «на все сто». В оставшиеся дни нас никто не беспокоил.

Беспокоил мобильный телефон с городским сочинским номером, купленный мне местным представителем в первый же наш день в городе.

– Здравствуйте, вас беспокоят из МИДа Государства Израиль, – сказал мне, представив-

шись, вкрадчивый голос с легким акцентом. – Могу я задать вам несколько вопросов?

– Да, конечно, – покорился я.

– Скажите, на борту упавшего самолета была стюардесса по фамилии Гусарова? – начал свой «допрос» «МИДовец».

– Да, – ответил я.

– Скажите, а стюардесса Гусарова имела родственников в Израиле?

Я не знал, имела ли погибшая Лена Гусарова родственников в Израиле, о чем прямо сказал плохо скрывающемуся «моссадовцу»³. Потом, уже в Новосибирске, узнал, что бортпроводница Гусарова, в девичестве Рапопорт, действительно, была еврейкой. На этом основании всю заботу о ее сыне, оставшемся после авиакатастрофы круглым сиротой – отец умер еще раньше, взял на себя Государство Израиль.

– Еще пара вопросов, – попросил меня вежливый «МИДовец». – Скажите, на борту самолета была стюардесса по фамилии Костенко?

– Насколько я знаком со списком экипажа, была, – подтвердил я.

– Скажите, а у Костенко есть родственники в Израиле?

– Я не владею такой информацией.

– Хорошо, скажите, а как часто стюардесса Костенко летала в Дубаи?

«Ах, вот куда ты, гад, клонишь!» – подумал я. Чертовы «вражеские» Эмираты никак не давали покоя израильским «чекистам».

– Я этого не знаю. Скорее всего, вам нужно обратиться в пресс-службу авиакомпании в Новосибирске, – выкрутился я и попрощался.

Я сразу же перезвонил своему начальнику Мише и предупредил, что сейчас его будет допрашивать «Моссад», а после набрал Олега Александровича – попросил его изъять у меня телефон, становившийся опасной «обузой». Мобильник сочинский представителю «Сибири» отобрал у меня вечером, предложив самый беспощадный способ его ликвидации:

– Надо будет на базар захватить, армянам загнать его – пускай торгашей твои «моссадовцы» да прокуроры донимают!

Дневной рейс в Тель-Авив бортпроводники отправляли без нас – мы были заняты переселением из одной гостиницы в другую. Вечером же мы все вместе стояли на площадке у «Москвы» и ждали автобусов, которые должны были увезти наших коллег и родственников пассажиров к новосибирскому чартеру.

Все-таки порой я бываю чертовски сентиментальным. Я прощался с бортпроводниками, как с родными мне людьми, а сама сцена проводов напомнила мне детское прощание с друзьями по пионерлагерю, несмотря на всю нелепость такой аналогии. Я понимал, что, даже встретившись потом где-нибудь в авиакомпании, мы больше не будем чувствовать этого вынужденного «родства». А потом мы и вовсе потеряемся на просторах большого города большой страны. Где-то они сейчас? Острая на языкоч красавица Оля, основательная Марина, хозяйственная На-

талья Геннадьевна? А где наша, ставшая за бессонную ночь настоящей «боевой подругой», кассирша-сочинка Ирина?

Автобусы, наконец, уехали, и к нам с Игорем и Анатолием Андреевичем подошел Филев.

– Пошли, мужики, пива выпьем! – предложил он.

Предложение «отметить» окончание самой тяжелой, связанной с работой на месте трагедии, фазы разбора катастрофы, как оказалось, шло не только и не столько от нашего генерального, сколько от «эфэсбэшников» – наших, российских, «чекистов». Их было двое, и жили они в «Москве» на том же, что и я, шестом этаже. Один из них, москвич, был в звании майора, второй – подполковник из Новосибирска, но оба, разумеется, ходили в штатском. «Чекисты» сейчас рассыпались в комплиментах в адрес «Сибири» и звали нас выпить пива в какую-то «самую лучшую» кафешку.

Из всех многочисленных сочинских питейных заведений на открытом воздухе «эфэсбэшники» выбрали самое дурацкое – находившееся на шумном и вонючем Курортном проспекте метрах в пятистах от гостиницы «Москва».

– Пива у нас нет, – сказала официантка, приготовившаяся тем не менее принимать у нас заказ.

– Так. А что поесть? – спросил Владислав Феликсович.

– Орешки, сухарики, – начала перечислять меню заведения на память девушка, – фисташки...

– А горячее есть? – уточнил Филев.

– Из горячего тоже ничего нет, – легкомысленно сообщила официантка, – у нас мясо кончилось!

Кафе, похоже, было действительно «самым лучшим». Правда, наш генеральный не решил его покинуть, дабы не обидеть пригласивших нас «силовиков».

– Вот что, красавица, – Филев достал из своего кошелька долларов триста сразу, – давай-ка сбегай, купи все, что нужно – пива, мяса, овощей на салат, если нету. Шашлык вы ведь сможете сделать?

– Сможем, – оторопела девчонка – она, наконец, поняла, что у нее начинается «вторая смена».

– Ну и прекрасно, – обрадовался наш директор. – Только пива, солнце, принеси сразу!

В ожидании пива «чекисты» начали нас «допрашивать» – они, судя по всему, не умели разговаривать иначе.

– А как у вас обстоят дела с авиационной безопасностью? – спросил нас один из них.

И тут дядьки попались на нашу авиакомпанийскую «фишку». Когда нужно было кому-то «запудрить мозги», наши пиарщики всегда начинали ловить вопрошающих, что называется, «на слове». Как-то раз одному нелюбимому журналисту в ответ на его запрос о мелком авиaproисшествии с нашим бортом в аэропорту Домодедово «Сибирь» выдала исключительно

формальный текст – мол, в аэропорт Домодедово авиакомпания не летает. Это было чистой правдой – «Сибирь» тогда летала во Внуково, где, собственно, и произошёл интересовавший журналиста эпизод. Сейчас же «чекисты» спросили нас об авиационной безопасности, имея в виду, конечно же, безопасность полетов. В авиации, как говорят в Одессе, это «две большие разницы». Говоря по-простому, «авиационная безопасность» – это чтобы не пронесли чего на борт, а «безопасность полетов» – чтобы самолет был исправным и пилот подготовленным. Мы с Игорем к явному удовольствию нашего директора начали отвечать на поставленный вопрос, перебивая и дополняя друг друга.

– Авиационной безопасностью занимаются аэропорты, – сказал я и ни капельки не соврал.

– Насколько нам известно, в Толмачево с этим все очень хорошо устроено, – уточнил Игорь. – Мы строго следуем предписаниям по авиационной безопасности, которые предъявляет нам аэропорт.

«Эфэсбэшники» так, похоже, ничего и не поняли. В это время «красавица» принесла нам пива, и разговор постепенно перешел к обсуждению событий последних дней, разбавляемому очень актуальными сейчас еврейскими анекдотами. В какой-то момент, выпив с полкружки пива и так и не дождавшись обещанных шашлыков, я начал терять нить беседы. Очнулся только от окрика Филева:

– Андрей, ты спишь, что ли?

После невероятного многодневного напряжения организм, поддерживаемый только «кофейным допингом», похоже, решил расслабиться – я уснул за столом прямо во время разговора, не закрывая глаз. Со мной, честно, такое было впервые. Генеральный, видимо, понял всю нелепость ситуации и аккуратно свернул сегодняшнее «празднество», прогнав нас с Игорем в гостиницу.

– Так, – сказал он нам на прощание, – пару дней отсыпаетесь, отдыхаете здесь, а потом возвращайтесь с Андреем в Новосибирск. У тебя, – обратился он ко мне, – еще выборы впереди, ничего не отменяется.

* * *

Ночь и весь следующий день я проспал тяжелым и каким-то «болезненным» сном. Пер-

вый раз я проснулся около часа дня. Включил телевизор, не вылезая из-под одеяла, и, немного посмотрев его, опять «вырубился». Вторым моим пробуждением я был обязан какой-то особо громкой телепередаче – это произошло около четырех. Я выключил телевизор, сходил умылся и опять прилег – как говорят профессиональные «соны», «на минуточку». Около семи вечера меня разбудил стук в дверь – Игорь тоже только проснулся и теперь звал меня искупнуться.

Удивительно, но за весь тяжелый и интересный 2001 год я искупался всего дважды – оба раза в Черном море, и оба раза в Сочи. Первый раз в августе, во время командировки, второй – в октябре.

То, что происходило за эти пару оставшихся в Сочи дней со мной и, подозреваю, с Игорем тоже, не было отдыхом – это было неким «арифметическим средним» между реанимацией и намертвением организмом упущенного: сна, пищи, отсутствия мыслей и элементарного «горизонтального положения».

Перед обратным самолетом в Новосибирск мы сидели с Игорем, Анатолием Андреевичем и нашим сочинским представителем в какой-то уличной кафешке и обедали. Пасмурно было уже с утра, но сейчас начал накрапывать дождик. Пока мы ели, он все усиливался и усиливался. Когда мы вышли из-за стола, чтобы пойти к машине, в городе уже шел настоящий ливень. Таких дождей у нас в Новосибирске не бывает – какой-то тропический или, вернее, субтропический – Сочи же субтропики. С неба буквально обрушивались потоки воды, и от нее не было никакого спасения.

Шоссе в Адлер превратилось в настоящую реку – мы медленно не то ползли, не то плыли по этой реке, «дворники» бешено елозили по лобовому стеклу в тщетной попытке разогнать воду, а Олег Александрович звонил кому-то в аэропорт и просил «подержать» немного для нас рейс – мы опаздывали.

– Девять дней сегодня, – вдруг заметил Анатолий Андреевич.

Надо же, несмотря на то, что большинство погибших было иудеями, сочинское небо вовсю и совершенно по-христиански рыдало на девятый день с момента их внезапной и такой страшной смерти...

¹ В авиакомпаниях до сих пор замов по персоналу в летных и технических службах по-военному зовут «замполитами».

² Официальная организация Государства Израиль, занимающаяся, прежде всего, репатриацией евреев на «историческую родину».

³ На всякий случай, «Моссад» – это израильская спецслужба, считающаяся одной из самых эффективных в мире. На эту тему очень рекомендую посмотреть фильм «Мюнхен» Стивена Спилберга.